

Уильям Шекспир

СОЗНАНИЕ

в переводах
Константина
Жолудева

Уильям Шекспир

**СОНЕТЫ. В переводах
Константина Жолудева**

«Издательские решения»

Шекспир У.

СОНЕТЫ. В переводах Константина Жолудева / У. Шекспир —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933327-8

Данная книга представляет на суд читателя современные переводы всех сонетов Шекспира Константина Жолудева. Переводчик руководствовался желанием перевести бессмертные творения Шекспира, как можно ближе к оригиналу. И в то же время не отойти от канонов такой строгой поэтической формы, как английский (Шекспировский) сонет.

ISBN 978-5-44-933327-8

© Шекспир У.
© Издательские решения

Содержание

О сонетах Шекспира	7
Сонет 1	9
Sonnet 1	10
Сонет 2	11
Sonnet 2	12
Сонет 3	13
Sonnet 3	14
Сонет 4	15
Sonnet 4	16
Сонет 5	17
Sonnet 5	18
Сонет 6	19
Sonnet 6	20
Сонет 7	21
Sonnet 7	22
Сонет 8	23
Sonnet 8	24
Сонет 9	25
Sonnet 9	26
Сонет 10	27
Sonnet 10	28
Сонет 11	29
Sonnet 11	30
Сонет 12	31
Sonnet 12	32
Сонет 13	33
Sonnet 13	34
Сонет 14	35
Sonnet 14	36
Сонет 15	37
Sonnet 15	38
Сонет 16	39
Sonnet 16	40
Сонет 17	41
Sonnet 17	42
Сонет 18	43
Sonnet 18	44
Сонет 19	45
Sonnet 19	46
Сонет 20	47
Sonnet 20	48
Сонет 21	49
Sonnet 21	50
Сонет 22	51
Sonnet 22	52
Сонет 23	53

Sonnet 23	54
Сонет 24	55
Sonnet 24	56
Сонет 25	57
Sonnet 25	58
Сонет 26	59
Sonnet 26	60
Сонет 27	61
Sonnet 27	62
Сонет 28	63
Sonnet 28	64
Сонет 29	65
Sonnet 29	66
Сонет 30	67
Sonnet 30	68
Сонет 31	69
Sonnet 31	70
Сонет 32	71
Sonnet 32	72
Сонет 33	73
Sonnet 33	74
Сонет 34	75
Sonnet 34	76
Сонет 35	77
Sonnet 35	78
Сонет 36	79
Sonnet 36	80
Сонет 37	81
Sonnet 37	82
Сонет 38	83
Sonnet 38	84
Сонет 39	85
Sonnet 39	86
Сонет 40	87
Sonnet 40	88
Сонет 41	89
Sonnet 41	90
Сонет 42	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

СОНЕТЫ

В переводах Константина Жолудева

Уильям Шекспир

Переводчик Константин Жолудев

© Уильям Шекспир, 2019

© Константин Жолудев, перевод, 2019

ISBN 978-5-4493-3327-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О сонетах Шекспира

Сонеты Шекспира – это 154 лирических стихотворения, написанные, Уильямом Шекспиром в период с 1592 по 1599 год, время расцвета Елизаветинской эпохи. Стихотворения имеют личный, интимный характер и не были предназначены для публикации.

Сонеты Шекспира принято делить на три основных тематических группы: сонеты с 1 по 126 – посвящены молодому другу – меценату; с 127 по 152 к смуглой даме; 153 и 154 – сонеты о Купидоне.

О личностях двух неизвестных читателю адресатов, до сих пор ходят споры. Первым из них большинство исследователей считают Генри Ризли, 3-его графа Саутгемптона. Вторым кандидатом является Уильям Герберт, граф Пембрук. Есть и другие версии и гипотезы о том, кто же был тем самым «молодым другом» поэта.

Роль смуглой дамы, долгое время приписывали Мэри Фиттон, фрейлине королевы Елизаветы. Сохранились достоверные данные о её любовной связи с Пембруком (тема любовного треугольника в сонетах). Другая кандидатура – музыкантиша Эмилия Бассано, итальянка по происхождению. Страсть к такой женщине не вызывала уважения, что соответствует тону сонетов 127—152.

Полный сборник сонетов впервые публикуется Торпом в 1609 году, но популярность и известность к ним приходит только в начале 19-го века.

Первое полное собрание сонетов Шекспира в переводе на русский язык вышло в 1880 году. Автором перевода был Н. В. Гербель. Самые известные переводы сонетов Шекспира на русский язык: Модеста Ильича Чайковского (1850—1916) брата великого композитора (были наиболее популярны в Российской Империи); Самуила Яковлевича Маршака (1887—1964) стали настоящей классикой (Сталинская премия 2-й степени в 1946 году); Александра Моисеевича Финкеля (1899—1968) изданы спустя 10 лет, после перевода (издатели боялись монополии переводов Маршака); Владимира Яковлевича Тяпина (род. 05.02.1940) был удостоен благодарности от королевы Елизаветы II за свою книгу переводов.

Данная книга представляет на суд читателя современные переводы всех сонетов Шекспира Константина Жолудева. Переводчик руководствовался желанием перевести бессмертные творения Шекспира, как можно ближе к оригиналу. И в то же время не отойти от канонов такой строгой поэтической формы, как английский (Шекспировский) сонет. Основная работа заняла период с апреля 2017 по февраль 2018 года.

Сонет 1

*Прекрасное достойно повторенья!
Как роза даст весною свой побег,
Так в отпрысках найдёт преображенье,
Наш зрелый ум к исходу многих лет.
А ты, сияньем глаз даруешь холод!
Легко в себе тем освещаешь мрак,
Но изобилье превращаешь в голод,
Достоинствам своим, коварный враг.
Твоя порода свет приукрашает,
Лишь оглашая прелести весны.
В себе самом твой разум процветает,
Скупец и скряга безнадёжный ты.
Жаль этот мир, талантом пресытись,
Могилой поглотит с тобой он связь.*

Sonnet 1

*From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the ripper should by time decease,
His tender heir might bear his memory:
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content,
And, tender churl, mak'st waste in niggarding:
Pity the world, or else this glutton be,
To eat the world's due, by the grave and thee.*

Сонет 2

*Когда минует сорок зим подряд,
Оставив на челе твоём, следы,
И молодой твой, пышный ныне сад,
Заполняют сухие сорняки —
Вопрос придёт: «Где ныне красота,
Сокровища прекрасных прошлых дней?»
Позором лишь былая похвала,
Ответит в глубине твоих очей.
Но если применил бы ты старанье,
«Вот мой наследник» – чтобы мог сказать.
«Им счёт плачу и в нём мне оправданье» —
Преемственность на деле доказать.
То в старости хладеющая кровь,
С потомками, твоя теплела б вновь.*

Sonnet 2

*When forty winters shall besiege thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery so gazed on now
Will be a tottered weed of small worth held:
Then being asked where all thy beauty lies,
Where all the treasure of thy lusty days,
To say within thine own deep-sunken eyes
Were an all-eating shame, and thriftless praise.
How much more praise deserved thy beauty's use,
If thou couldst answer, «This fair child» of mine
Shall sum my count, and make my old excuse,
Proving his beauty by succession thine.
This were to be new made when thou art old,
And see thy blood warm when thou feel'st it cold.*

Сонет 3

*Глянь в зеркало, лицу, что там скажи:
«Пора тебя, мне в ком-то повторить!».
И мать младую, счастья не лиши,
Коли сумел собою свет прельстить.
Тебя так ждёт нетронутая плоть,
Презришь её, чтоб род свой не продлить?
Не в силах себялюбье побороть,
Чтобы потомство миру подарить?
Как отраженье матери своей,
Несёшь апрель, храня её черты.
И через призму прожитых уж дней,
Свой век златой вернешь потом и ты.
Коль повторён не будет образ твой,
Умри один и он пусть мрёт с тобой.*

Sonnet 3

*Look in thy glass and tell the face thou viewest,
Now is the time that face should form another,
Whose fresh repair if now thou not renewest,
Thou dost beguile the world, unbless some mother.
For where is she so fair whose uneared womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb
Of his self-love to stop posterity?
Thou art thy mother's glass, and she in thee
Calls back the lovely April of her prime;
So thou through windows of thine age shalt see,
Despite of wrinkles, this thy golden time.
But if thou live rememb'ed not to be,
Die single, and thine image dies with thee.*

Сонет 4

*Зачем же тратишь неразумно ты,
Всё то, чем одарён самой Природой?
Не дарит ничего – даёт взаимы,
Она щедра со щедрою породой.
Даровано тебе, чтоб дар воздать!
К чему, красавец, тем пренебрегаешь?
И сумму сумм не можешь сосчитать,
С таким богатством не преуспеваешь.
Ведёшь с собою сам свои дела
И этим сам себя, поверь, обманешь.
Ведь час пробьёт, когда уйти пора.
Какой отчет в делах ты представишь?
В могилу заберёшь ты красоту,
А мог бы применить по существу.*

Sonnet 4

*Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thyself thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing, but doth lend,
And being frank she lends to those are free:
Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?
For having traffic with thyself alone,
Thou of thyself thy sweet self dost deceive:
Then how, when Nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?
Thy unused beauty must be tombed with thee,
Which used lives th'executor to be.*

Сонет 5

*Былые дни рисуют свой узор,
И взгляд любой, его желает страстно.
Но возраст, оглашает приговор,
Всегда неумолимо, беспристрастно.
Зимою время уж не так бежит,
Тогда как летом, устали не знало.
И лист осенний, что опал, укрыт
Холодным, белоснежным покрывалом.
И там, где свежесть больше не живёт,
Мороз напишет инеем картины.
Живое, закуётся словно в лёд,
И станет его узником незримым.
Но в бездыханности морозных дней,
Цветы пленяют нежностью своей.*

Sonnet 5

*Those hours that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell
Will play the tyrants to the very same,
And that unfair which fairly doth excel;
For never-resting time leads summer on
To hideous winter and confounds him there,
Sap checked with frost and lusty leaves quite gone,
Beauty o'ersnowed and bareness everywhere:
Then were not summer's distillation left
A liquid prisoner pent in walls of glass,
Beauty's effect with beauty were bereft,
Nor it nor no remembrance what it was.
But flowers distilled, though they with winter
meet, leese but their show; their substance still
livessweet*

Сонет 6

*Пока зиме не разорять природы,
И лета свет в тебе не угасим,
Создай сосуд бесценный для породы,
Она сейчас в рассвете, полном сил.
Ростовщики проявят одобренье,
Их радуют, кто платит по долгам.
Лишь для тебя твоё перерожденье,
Себе воздай десятикратно сам.
Стань в десять раз счастливее чем есть,
Себя десятикратно повтори.
И смерть тогда, убавит свою спесь,
В потомстве обретишь бессмертье ты.
Уйми свой норов, слишком ты красив,
Чтоб сделать прах, наследием своим.*

Sonnet 6

*Then let not winter's ragged hand deface
In thee thy summer ere thou be distilled:
Make sweet some vial; treasure thou some place
With beauty's treasure ere it be self-killed:
That use is not forbidden usury
Which happies those that pay the willing loan;
That's for thyself to breed another thee,
Or ten times happier be it ten for one;
Ten times thyself were happier than thou art,
If ten of thine ten times refigured thee:
Then what could death do if thou shouldst depart,
Leaving thee living in posterity?
Be not self-willed, for thou art much too fair
To be death's conquest and make worms thine
heir.*

Сонет 7

*Когда с востока перейдет в зенит,
Главой своей Святое Божество,
Всяк свет его тогда боготворит,
Служить готов величию Его.
Взобравшись на крутой небесный холм,
В рассвете сил, теплом нас одарит.
И каждый смертный благолеьем полн,
Когда Его движенье в небе зрит.
Но только лишь к закату станет путь,
Лишь жар в горнилах начинает тлеть —
Никто не хочет на Него взглянуть,
К чему на угасание глядеть?
Так ты, оставив полдень своих дней,
Без сына, не продлишь судьбы своей.*

Sonnet 7

*Lo in the orient when the gracious light
Lifts up his burning head, each under eye
Doth homage to his new-appearing sight,
Serving with looks his sacred majesty;
And having climbed the steep-up heavenly hill,
Resembling strong youth in his middle age,
Yet mortal looks adore his beauty still,
Attending on his golden pilgrimage:
But when from highmost pitch, with weary car,
Like feeble age he reeleth from the day,
The eyes (fore duteous) now converted are
From his low tract and look another way:
So thou, thyself outgoing in thy noon,
Unlooked on diest unless thou get a son.*

Сонет 8

*Есть музыка в тебе, что так печальна,
Но разве ум враждует с красотой?
Любить лишь одиночество банально,
Как путать радость с грустью и тоской.
Не потому ль божественные звуки,
Женитьбы слух твой нынче не влекут,
Что спутал ты свиданья и разлуки,
Ушам твоим они укоры шлют.
Созвучье струн небесных так прекрасно!
Довольно нежность глупо раздавать,
И тратить, что даровано напрасно
Ведь Сын, Отец и Всеблагая Мать,
Уже сейчас поют тебе о главном —
Увянешь в одиночестве бездарном!*

Sonnet 8

*Music to hear, why hear'st thou music sadly?
Sweets with sweets war not, joy delights in joy:
Why lov'st thou that which thou receiv'st not
gladly,
Or else receiv'st with pleasure thine annoy?
If the true concord of well-tuned sounds,
By unions married, do offend thine ear,
They do but sweetly chide thee, who confounds
In singleness the parts that thou shouldst bear;
Mark how one string, sweet husband to another
Strikes each in each by mutual ordering;
Resembling sire, and child, and happy mother,
Who all in one, one pleasing note do sing;
Whose speechless song being many, seeming one,
Sings this to thee, «Thou single wilt prove none.»*

Сонет 9

*Вдову ль зарёкся друг мой прослезить,
Что одиночество тебя прельщает?
Ах, как же миру без тебя прожить?
Он как жена в утрате зарыдает,
И станет мир тогда твоей вдовой!
Так ты уйдёшь в ничто необратимо,
Когда вдова живая, образ твой,
Смогла б увидеть в очертаньях сына.
Прискорбно то, что смертна красота!
Так это пошло и несправедливо,
Проходят дни... И красота – не та!
Ушедшее, увы, невосполнимо.
И сам себя лишь тот, поверь, гнетёт,
Кто никому любовь не отдаёт!*

Sonnet 9

*Is it for fear to wet a widow's eye
That thou consum'st thyself in single life?
Ah! if thou issueless shalt hap to die,
The world will wail thee like a makeless wife;
The world will be thy widow and still weep,
That thou no form of thee hast left behind,
When every private widow well may keep,
By children's eyes, her husband's shape in mind
Look what an unthrift in the world doth spend
Shifts but his place, for still the world enjoys it,
But beauty's waste hath in the world an end,
And kept unused the user so destroys it:
No love toward others in that bosom sits
That on himself such murd'rous shame
commits.*

Сонет 10

*Напрасными желаньями пустыми,
Всяк кто влюблен в тебя, увя, согрет.
Красавец, обожаемый другими,
Ты сам не любишь никого в ответ.
Ведь одержим убийственной злобой,
Тем козни, друг мой, строишь сам себе.
И кров свой разрушаешь той хворобой,
Хоть должно укреплять его тебе.
Переменись, развеи мои сомненья,
Неужто злость надёжней, чем любовь?
Неси как образ твой, благословенье
Иль хоть к себе любезным быть изволь.
Ради меня, себя же повтори,
В потомках лик свой вечным сохрани.*

Sonnet 10

*For shame deny that thou bear-st love to any,
Who for thyself art so improvident.
Grant, if thou wilt, thou art beloved of many,
But that thou none lov'st is most evident;
For thou art so possess'd with murd'rous hate,
That 'gainst thyself thou stick'st not to conspire,
Seeking that beauteous roof to ruinate
Which to repair should be thy chief desire:
O change thy thought, that I may change my
mind!
Shall hate be fairer lodged than gentle love?
Be as thy presence is, gracious and kind,
Or to thyself at least kind-hearted prove:
Make thee another self, for love of me,
That beauty still may live in thine or thee.*

Сонет 11

*Как быстро суждено нам увядать,
Так скоро мы в потомках расцветаем.
И лишь тогда возможно осознать,
Что с тем и кровь младую обретаем.
И в этом – мудрость, красота и рост.
Без этого – забвенье, лихолетье.
Ведь если б был безбрачья принят пост,
Мир сгинул бы за три двадцатилетья.
И те, кто был Природою рождён,
Безликим, злым, погибнет пусть бесплодным!
Смотрите – вот, кто щедро одарён,
Чей дар приумножать богоугодно!
Природа создала к тому тебя,
Чтоб много раз ты повторил себя.*

Sonnet 11

*As fast as thou shalt wane, so fast thou grow'st
In one of thine, from that which thou departest
And that fresh blood which youngly thou bestow'st
Thou mayst call thine, when thou from youth
convertest:*

*Herein lives wisdom, beauty, and increase,
Without this, folly, age, and cold decay:
If all were minded so, the times should cease,
And threescore year would make the world away.
Let those whom Nature hath not made for store
Harsh, featureless, and rude, barrenly perish:
Look whom she best endowed she gave the more
Which bounteous gift thou shouldst in bounty
cherish:*

*She carved thee for her seal, and meant thereby,
Thou shouldst print more, not let that copy die.*

Сонет 12

*Когда считаю время по часам,
И вижу день как в тёмной нбчи тлеет.
Как срок цвести выходит вдруг цветам,
Как чёрный волос медленно седеет;
Когда я зрю опающую листву,
Что летом от жары стада спасала.
Стогов как вижу в поле полосу,
Где зелень раньше пышно процветала;
Тогда я мысли шлю к твоей красе,
Без пользы и без толка дни пройдут!
Твой дар и ум зачахнут в пустоте,
Глядя на тех, что зреют и растут.
Не устоять, пред Временем с косой,
В потомстве обессмерть же образ свой!*

Sonnet 12

*When I do count the clock that tells the time,
And see the brave day sunk in hideous night,
When I behold the violet past prime,
And sable curls all silvered o'er with white,
When lofty trees I see barren of leaves,
Which erst from heat did canopy the herd,
And summer's green all girded up in sheaves
Borne on the bier with white and bristly beard:
Then of thy beauty do I question make
That thou among the wastes of time must go,
Since sweets and beauties do themselves forsake,
And die as fast as they see others grow,
And nothing 'gainst Time's scythe can make
defence save breed to brave him when he takes
thee hence.*

Сонет 13

*Ты нынче бесподобен, как ты есть,
В рассвете сил любовь ты возбуждаешь.
Но зная что тебе не вечно цвести,
Зачем себя никак не продолжаешь?
И если красоты что одолжил,
Не можешь осознать предназначенье,
То почему себя не повторил?
Твое потомство даст тебе решение.
Кто вотчины не сохранит своей,
И не поддержит в ней статьи доходной,
Назло порывам шквальных зимних дней,
Дыханью смерти мрачной и бесплодной?
О нет, мой друг, не стоит думать даже!
Ты знал отца, пусть сын твой, то же
скажет.*

Sonnet 13

*O that you were your self! but, love, you are
No longer yours than you yourself here live;
Against this coming end you should prepare,
And your sweet semblance to some other give:
So should that beauty which you hold in lease
Find no determination; then you were
Your self again after yourself's decease,
When your sweet issue your sweet form should
bear. Who lets so fair a house fall to decay,
Which husbandry in honour might uphold
Against the stormy gusts of winter's day
And barren rage of death's eternal cold?
O, none but unthrifs: dear my love, you know
You had a father, let your son say so.*

Сонет 14

*По звёздам я сужденья не веду,
Но предсказатель в общем неплохой.
Не то чтоб я предсказывал судьбу,
Чуму и голод, и в погоде сбой.
Не предскажу я ветры и дожди,
И дату предстоящих холодов.
Насколько будут славными цари,
Предсказывать я тоже не готов.
Но знанье я извлёк в твоих очах,
В них звёзды предсказанье мне несут —
Лишь правда с красотой повергнут прах!
В твоих потомках вместе пусть цветут.
А нет, так я пророчество открою —
Умрёшь и ты, и правда с красотой.*

Sonnet 14

*Not from the stars do I my judgement pluck,
And yet methinks I have astronomy,
But not to tell of good or evil luck,
Of plagues, of dearths, or seasons' quality;
Nor can I fortune to brief minutes tell,
Pointing to each his thunder, rain and wind,
Or say with princes if it shall go well
By oft predict that I in heaven find:
But from thine eyes my knowledge I derive,
And, constant stars, in them I read such art
As truth and beauty shall together thrive
If from thy self to store thou wouldst convert:
Or else of thee this I prognosticate,
Thy end is truth's and beauty's doom and date.*

Сонет 15

*Когда я зрю природы пышный рост,
Расцвет чей совершенен лишь мгновенья,
Что жизнь – спектакль, с ответом на вопрос,
Что Звезды нам несут своим свеченьем;
Когда я вижу всход людей как трав,
Что продиктован волей Рока свыше.
Как сок молодой, на пике исчерпав,
Со временем, ум прошлым только дышит;
Тогда, тщеславьем, праздностью полна,
Видна судьба твоя! Без сожаленья,
В ней спорит с тленом тщетно красота,
Дни юности сменяя тьмой забвенья.
Но что умрёт в безжалостной войне,
Я буду призывать опять тебе.*

Sonnet 15

*When I consider every thing that grows
Holds in perfection but a little moment,
That this huge stage presenteth nought but shows
Whereon the stars in secret influence comment;
When I perceive that men as plants increase,
Cheered and checked even by the selfsame sky,
Vaunt in their youthful sap, at height decrease
And wear their brave state out of memory:
Then the conceit of this inconstant stay
Sets you most rich in youth before my sight,
Where wasteful Time debateth with Decay
To change your day of youth to sullied night,
And all in war with Time for love of you,
As he takes from you, I ingraft you new.*

Сонет 16

*Ну почему б не принять путь верней,
Тебе в войне со Временем-тираном?
Найти продление беззаботных дней,
В надёжном средстве, не в стихе
бездарном?
Ведь дев кругом нетронуты сады,
Ты зришь их много со своей вершины.
Взлелеяли б охотно все они,
Твои цветы, что были б так правдивы.
Их линии продолжили бы вновь,
Твои черты. Никто их не раскроет,
Ничьё перо и не в строках любовь!
И Время нежный образ твой размочет.
Но если нынче ты себя отдашь,
То светлый лик свой в детях передашь.*

Sonnet 16

*But wherefore do not you a mightier way
Make war upon this bloody tyrant Time,
And fortify yourself in your decay
With means more blessed than my barren rhyme?
Now stand you on the top of happy hours,
And many maiden gardens, yet unset,
With virtuous wish would bear your living flowers,
Much liker than your painted counterfeit:
So should the lines of life that life repair
Which this time's pencil or my pupil pen
Neither in inward worth nor outward fair
Can make you live yourself in eyes of men:
To give away yourself keeps yourself still,
And you must live drawn by your own sweet skill.*

Сонет 17

*Кто в будущем поверить сможет мне?
Не подтвердить искусства пустотою!
О Боги, все хвалы мои тебе,
Покроются могильною плитою.
И если б смог я описать глаза
И в числах обозначить твою мудрость,
«Поэт тот, врет!» – сказали бы века,
«Ведь черт земных, так Небо не коснулось».
Презрят слова на выцветших листах,
Как басни те, что с правдою не дружат.
Избыточной, любовь в моих строках,
Со временем потомки обнаружат.
Но если б отпрыск твой тогда бы жил —
В стихах и в нём ты б славу заслужил.*

Sonnet 17

*Who will believe my verse in time to come
If it were filled with your most high deserts?
Though yet, heaven knows, it is but as a tomb
Which hides your life, and shows not half your
parts.*

*If I could write the beauty of your eyes,
And in fresh numbers number all your graces,
The age to come would say, «This poet lies;
Such heavenly touches ne'er touched earthly
faces.»*

*So should my papers (yellowed with their age)
Be scorned, like old men of less truth than tongue,
And your true rights be termed a poet's rage
And stretched metre of an antique song:*

*But were some child of yours alive that time,
You should live twice, in it and in my rhyme.*

Сонет 18

*Могу ли с летом сравнивать тебя?
Твоя порода взвешенней, прекрасней.
Срывают почки шквальные ветра
И срок тепла не вечен и напрасен;
Бывает очень жарким взор Небес,
Но часто он со временем тускнеет.
И увядает чудо из чудес,
Случайно ли, естественно ль бледнеет.
Но чудо, что в тебе – не прогорит!
И прелести своей не поубавит,
Ведь смерти тень, его не остудит,
Во Времени, оно лишь процветает.
Как долго людям видеть и дышать,
Так долго красоте твоей блистать.*

Sonnet 18

*Shall I compare thee to a summer's day?
Thou art more lovely and more temperate:
Rough winds do shake the darling buds of May,
And summer's lease hath all too short a date;
Sometime too hot the eye of heaven shines,
And often is his gold complexion dimmed;
And every fair from fair sometime declines,
By chance or nature's changing course
untrimmed:
But thy eternal summer shall not fade,
Nor lose possession of that fair thou ow'st,
Nor shall Death brag thou wand'rest in his shade,
When in eternal lines to time thou grow'st.
So long as men can breathe or eyes can see,
So long lives this, and this gives life to thee.*

Сонет 19

*Владыка Время, когти львов тупи!
Планету к жизни сделай непригодной,
У тигра вырви острые клыки,
И Феникса в крови сожги бесплодной!
Меняй сезоны хочешь невпопад,
Твори везде из радости – забвенье!
Свой быстрый бег, вдруг обрати назад...
Не совершай одно лишь преступленье —
Не тронь собой любимое чело,
Не правь черты, уйми же свой резец!
Так ярко бесподобие его,
Что красоты – шаблон и образец.
Напрасны, Время, козни все твои!
Ту красоту, хранят мои стихи.*

Sonnet 19

*Devouring Time, blunt thou the lion's paws,
And make the earth devour her own sweet brood;
Pluck the keen teeth from the fierce tiger's jaws,
And burn the long-lived phoenix in her blood;
Make glad and sorry seasons as thou fleet'st,
And do whate'er thou wilt, swift-footed Time,
To the wide world and all her fading sweets;
But I forbid thee one most heinous crime:
O, carve not with thy hours my love's fair brow,
Nor draw no lines there with thine antique pen;
Him in thy course untainted do allow
For beauty's pattern to succeeding men.
Yet, do thy worst, old Time: despite thy wrong,
My love shall in my verse ever live young.*

Сонет 20

*Твой женский лик тебе дала Природа.
И сердцем неизменчивым своим,
Ты мой исток страстей, твоя порода —
Властитель и властительница им.
Прекрасный взгляд твой мир приукрашает,
В глазах сияют тысячи лучин.
И грация твоя, мой друг, рождает,
Любовь у женицин, зависть у мужчин.
Природа тебя женищиной ваяла,
Но вдруг, к тебе любовью воспылав,
Добавила... И у меня украла,
Навеки в руки женищинам отдав.
Любовь пусть будет мне, а добавленье,
Послужит дамам впрок для наслажденья.*

Sonnet 20

*A woman's face with Nature's own hand painted
Hast thou, the master-mistress of my passion;
A woman's gentle heart, but not acquainted
With shifting change, as is false women's fashion;
An eye more bright than theirs, less false in rolling,
Gilding the object whereupon it gazeth;
A man in hue, all hues in his controlling,
Which steals men's eyes and women's souls
amazeth. And for a woman wert thou first created,
Till Nature as she wrought thee fell a-doting,
And by addition me of thee defeated,
By adding one thing to my purpose nothing.
But since she pricked thee out for women's
pleasure, mine be thy love and thy love's use their
treasure.*

Сонет 21

*Не уподоблюсь тем, чья Муза славит,
Раскрашенную только красоту.
Кто все дары небес в строку направит,
Чтоб описать любимую свою.
Приписывают те поэты сами,
Сравнения и с Солнцем и с Луной,
Что купол наш хранит под небесами,
Всё щедро дарят избранной одной.
Позвольте ж мне писать о том правдиво,
Как истово и истинно люблю,
Того, чья прелесть невообразима,
Хоть не подобна звездному лучу.
Для славы пишут те, кто любит лгать,
Я ж не хочу любовью торговать.*

Sonnet 21

*So is it not with me as with that Muse,
Stirred by a painted beauty to his verse,
Who heaven itself for ornament doth use,
And every fair with his fair doth rehearse,
Making a couplement of proud compare
With sun and moon, with earth and sea's rich
gems, with April's first-born flowers, and all
things rare
That heaven's air in this huge rondure hems.
O let me, true in love, but truly write,
And then believe me, my love is as fair
As any mother's child, though not so bright
As those gold candles fixed in heaven's air:
Let them say more that like of hearsay well,
I will not praise that purpose not to sell.*

Сонет 22

*Пусть я, не молодой уже мужчина,
Но молодость твоя во мне живёт.
Когда твой лик избороздят морщины,
Надеюсь, смерть меня уж приберёт.
Вся красота что образ твой венчает,
Лишь одеянье сердца моего,
В твоей груди давно что обитает,
Как и твоё, навеки лишь моё.
И потому я не могу быть старше,
Прошу тебя – себя побереги!
Как берегу и я сердец всех краше,
То сердце что ношу в своей груди.
Не думай своё сердце возвратить,
Умрёт моё – и твоему не жить!*

Sonnet 22

*My glass shall not persuade me I am old,
So long as youth and thou are of one date,
But when in thee time's furrows I behold,
Then look I death my days should expiate:
For all that beauty that doth cover thee
Is but the seemly raiment of my heart,
Which in thy breast doth live, as thine in me.
How can I then be elder than thou art?
O therefore, love, be of thyself so wary
As I not for myself but for thee will,
Bearing thy heart, which I will keep so chary
As tender nurse her babe from faring ill:
Presume not on thy heart when mine is slain;
Thou gav'st me thine, not to give back again.*

Сонет 23

*Как тот актёр никчемный, от старанья,
Забудет роль на сцене и молчит
Иль как безумьем полное созданье,
В отчаяньи само себе вредит —
Так я с тобой робеющий немею,
Забыв слова о красоте твоей.
И кажется, любовь моя слабеет,
Подавленная силою своей.
Пусть за меня тогда расскажут книги,
Как сердце любит и как ждёт наград.
Мечтает как о сладострастном миге,
Сильней, чем те, что много говорят.
Учись внимать такой немой любви,
Глазами тонкость чувства улови!*

Sonnet 23

*As an imperfect actor on the stage,
Who with his fear is put besides his part,
Or some fierce thing replete with too much rage,
Whose strength's abundance weakens his own
heart; so I, for fear of trust, forget to say
The perfect ceremony of love's rite,
And in mine own love's strength seem to decay,
O'ercharged with burden of mine own love's
might: o let my books be then the eloquence
And dumb presagers of my speaking breast,
Who plead for love, and look for recompense,
More than that tongue that more hath more
expressed.*

*O learn to read what silent love hath writ:
To hear with eyes belongs to love's fine wit.*

Сонет 24

*Мои глаза правдиво изваяли,
Твой лик мне в сердце, что стучит в груди.
Послужит тело рамой для скрижали,
Но лучшее искусство впереди.
Через глаза узри моё творенье —
Свой образ в мастерской моей души.
Где и хранится то произведение,
Глаза твои, в ней окна-витражи.
Те светлые, прозрачные оконца,
Мне стать творцом, конечно помогли
Ведь через них заглядывает солнце,
Чтоб разглядеть тебя в моей груди.
Вот только глаз прекрасное искусство,
Не скажет нам, коль сердце будет пусто.*

Sonnet 24

*Mine eye hath played the painter and hath
stelled, thy beauty's form in table of my heart;
My body is the frame wherein 'tis held,
And perspective it is best painter's art.
For through the painter must you see his skill
To find where your true image pictured lies,
Which in my bosom's shop is hanging still,
That hath his windows glazed with, thine eyes.
Now see what good turns eyes for eyes have done
Mine eyes have drawn thy shape, and thine for me
Are windows to my breast, wherethrough the sun
Delights to peep, to gaze therein on thee.
Yet eyes this cunning want to grace their art,
They draw but what they see, know not the heart*

Сонет 25

*Кто баловнем судьбы рождён, тому,
Быть гордым и известным всем вельможей.
А я безвестный, радость нахожу,
В том что душе милее и дороже.
Как яркие цветы в лучах зари,
Любимицы государей расцветают,
Но так же и со временем они,
Под хмурым взглядом меркнут, исчезают.
Победами и славой утомлён,
Великий воин, проиграв однажды,
Забвением бывает удручён,
И всё чего достиг ему не важно.
Но мне чины и слава – ни к чему,
Я счастлив, что любим и сам люблю!*

Sonnet 25

*Let those who are in favour with their stars
Of public honour and proud titles boast,
Whilst I, whom fortune of such triumph bars,
Unlooked for joy in that I honour most.
Great princes' favourites their fair leaves spread
But as the marigold at the sun's eye,
And in themselves their pride lies buried,
For at a frown they in their glory die.
The painful warrior famoused for fight,
After a thousand victories once foiled,
Is from the book of honour rased quite,
And all the rest forgot for which he toiled:
Then happy I that love and am beloved
Where I may not remove, nor be removed.*

Сонет 26

*К тебе как к лорду, с верностью вассала,
Я шлю посольством весточку свою.
Не острота ума её писала,
Но почитанья дань, как к королю.
Мой долг перед тобой велик настолько,
Что ум мой, по сравненью с ним – ничто!
Безмолвный и нагой мой ум, вот только,
Быть может ты помилуешь его?
До той поры пока моя удача,
Не снизойдёт любезностью своей —
Подарит славу и деньжат в придачу,
Чтоб заявить мне о любви моей.
Тогда я похваюсь, как я люблю,
А до того, все чувства утаю.*

Sonnet 26

*Lord of my love, to whom in vassalage
Thy merit hath my duty strongly knit,
To thee I send this written embassy
To witness duty, not to show my wit;
Duty so great, which wit so poor as mine
May make seem bare, in wanting words to show it,
But that I hope some good conceit of thine
In thy soul's thought (all naked) will bestow it,
Till whatsoever star that guides my moving
Points on me graciously with fair aspect,
And puts apparel on my tottered loving,
To show me worthy of thy sweet respect:
Then may I dare to boast how I do love thee,
Till then, not show my head where thou mayst
prove me.*

Сонет 27

*Устав в пути, спешу в свою кровать,
Чтоб телу дать передохнуть немного.
Но только начинаю засыпать,
Как ум мой собирается в дорогу.
Он мысли все мои издалека,
Направит в путь к порогу дорогому.
И заставляет вновь открыть глаза,
И в темноту глядеть мне как слепому.
Там зрение моей больной души,
Мне призрак твой витающий покажет.
Он словно бриллиант, во тьме, в тиши,
Мрак долгой ночи приукрасит даже.
Так тело – днём, а ночью – ум, покоя,
Лишает лик твой, что всегда со мною!*

Sonnet 27

*Weary with toil, I baste me to my bed,
The dear repose for limbs with travel tired,
But then begins a journey in my head,
To work my mind, when body's work's expired;
For then my thoughts (from far where I abide)
Intend a zealous pilgrimage to thee,
And keep my drooping eyelids open wide,
Looking on darkness which the blind do see;
Save that my soul's imaginary sight
Presents thy shadow to my sightless view,
Which, like a jewel (hung in ghastly night),
Makes black night beauteous, and her old face new.
Lo thus by day my limbs, by night my mind,
For thee, and for myself, no quiet find.*

Сонет 28

*Как мне вернуть своё благополучье,
Когда мне невозможно отдохнуть?
Когда вся тяжесть дня не канет с ночью,
Но давит так, что не могу уснуть.
И ночь, и день друг друга власти чужды,
Но руки жмут и мучают меня.
И столь обременительной мне дружбой,
Всё больше отдаляют от тебя.
Хоть тем я нынче угождаю дню,
Что ты вместо него развеешь тучи.
И ночи смуглоликой тоже льщу,
Что вместо звёзд осветишь мрак дремучий,
Но каждый день – печали всё сильней,
А ночи – всё тоскливей и длинней.*

Sonnet 28

*How can I then return in happy plight
That am debarred the benefit of rest?
When day's oppression is not eased by night,
But day by night and night by day oppressed;
And each (though enemies to either's reign)
Do in consent shake hands to torture me,
The one by toil, the other to complain
How far I toil, still farther off from thee.
I tell the day to please him thou art bright,
And dost him grace when clouds do blot the
heaven; so flatter I the swart-complexioned night,
When sparkling stars twire not thou gild'st the
even:
But day doth daily draw my sorrows longer,
And night doth nightly make griefs' strength seem
stronger.*

Сонет 29

*Когда презрѐн Фортуной и людѣми,
Отверженный, я пустоте внимаю.
И в небо тщетно шлю свои мольбы,
В себя смотрю и долю проклиная;
Мечтаю уподобиться тому,
Кто жив друзьями, красотой, надеждой.
В других таланты для себя ищу,
Собою не довольствуясь как прежде;
Я вдруг, припоминаю о тебе,
И жаворонком ввысь душа умчится!
Земную мглу, покинув на заре,
Тебе поёт и в небеса стремится.
Всего лишь мысли о любви моей,
Меня возносят выше королей.*

Sonnet 29

*When in disgrace with Fortune and men's eyes,
I all alone beweepe my outcast state,
And trouble deaf heaven with my bootless cries,
And look upon myself and curse my fate,
Wishing me like to one more rich in hope,
Featured like him, like him with friends possessed,
Desiring this man's art and that man's scope,
With what I most enjoy contented least;
Yet in these thoughts myself almost despising,
Haply I think on thee, and then my state
(Like to the lark at break of day arising
From sullen earth) sings hymns at heaven's gate;
For thy sweet love rememb'ed such wealth brings
That then I scorn to change my state with kings.*

Сонет 30

*Когда на суд безмолвных дум моих,
Я памяти страницы пролистаю,
Скорбя об устремлениях своих,
Утрату лучших лет переживаю;
Тогда слезами изойдут глаза,
Что влаги горькой никогда не знали.
О том, что возвратить уже нельзя,
Любили что, но всё же потеряли;
Тогда все беды вновь переживу,
И поскорблю утраченной надежде,
И счёт страданий прежних оплачу,
Как будто не оплачивал их прежде.
Но только лишь я вспомню о тебе,
Потери все восполнятся вполне.*

Sonnet 30

*When to the sessions of sweet silent thought
I summon up remembrance of things past,
I sigh the lack of many a thing I sought,
And with old woes new wail my dear time's waste:
Then can I drown an eye (unused to flow)
For precious friends hid in death's dateless night,
And weep afresh love's long since cancelled woe,
And moan th'expense of many a vanished sight;
Then can I grieve at grievances foregone,
And heavily from woe to woe tell o'er
The sad account of fore-bemoaned moan,
Which I new pay as if not paid before:
But if the while I think on thee (dear friend)
All losses are restored, and sorrows end.*

Сонет 31

*В груди твоей в любви живут сердца,
Что причислял к потерям разум мой.
И тем она бесценно дорога,
Что все они останутся со мной.
Так много слёз священных у меня,
Похитила нетленная любовь,
К друзьям моим, их всех вселив в тебя,
В твои черты и в праведную кровь.
Есть памятник теперь в душе моей,
Так захотели лучшие друзья!
Права любви что на меня, своей,
Оставили лишь только для тебя.
И ты, мой друг, и все друзья с тобой,
Владеете всецело нынче мной.*

Sonnet 31

*Thy bosom is endeared with all hearts,
Which I by lacking have supposed dead,
And there reigns love and all love's loving parts,
And all those friends which I thought buried.
How many a holy and obsequious tear
Hath dear religious love stol'n from mine eye,
As interest of the dead; which now appear
But things removed that hidden in thee lie!
Thou art the grave where buried love doth live,
Hung with the trophies of my lovers gone,
Who all their parts of me to thee did give;
That due of many now is thine alone.
Their images I loved I view in thee,
And thou (all they) hast all the all of me.*

Сонет 32

*О, если ты тот день переживёшь,
Когда меня заманит смерть с собою.
Случайно эти строчки перчитёшь,
Банальные, но полные тобою —
Их с новою поэзией сравни.
Пусть будут хуже, чем перо любое,
Ты строчки те, лишь для любви храни,
Хоть были б проще стилем даже вдвое.
Так удостой меня своей любви:
«О, если б рос мой друг с растущим веком,
Ценней любовь рождала бы плоды,
Его возвысив лучшим человеком.
Пусть он ушёл, другие стали лучше.
Я чту их стиль, его же чту за душу».*

Sonnet 32

*If thou survive my well-contented day,
When that churl Death my bones with dust shall
cover, and shalt by fortune once more re-survey
These poor rude lines of thy deceased lover,
Compare them with the bett'ring of the time,
And though they be outstripped by every pen,
Reserve them for my love, not for their rhyme,
Exceeded by the height of happier men.
O then vouchsafe me but this loving thought:
«Had my friend's Muse grown with this growing
age, a dearer birth than this his love had brought
To march in ranks of better equipage:
But since he died, and poets better prove,
Theirs for their style I'll read, his for his love.»*

Сонет 33

*Так часто наблюдал с рассветом я,
Как Солнце смотрит в горы ясным оком.
Как озаряет пышные луга,
На землю льётся золотым потоком.
Но вскоре всё же позволяет вдруг,
Закреть свой лик никчемной туче тёмной.
И свой волшебный золотистый круг,
Влачит на запад за стеной укромной.
Так ранним утром Солнце и моё,
Меня великолепьем одарило.
Но час спустя, оно, тепло своё
Забрало и себя за тучей скрыло.
Но для любви моей всё так же мило.
Земные солнца, то же ведь светила.*

Sonnet 33

*Full many a glorious morning have I seen
Flatter the mountain tops with sovereign eye,
Kissing with golden face the meadows green,
Gilding pale streams with heavenly alchemy,
Anon permit the basest clouds to ride
With ugly rack on his celestial face,
And from the forlorn world his visage hide,
Stealing unseen to west with this disgrace:
Even so my sun one early morn did shine
With all triumphant splendor on my brow;
But out alack, he was but one hour mine,
The region cloud hath masked him from me now.
Yet him for this my love no whit disdaineth:
Suns of the world may stain, when heaven's sun
staineth.*

Сонет 34

*Зачем ты обещал мне ясный день?
Я без плаща отправился в свой путь,
Но в том пути, мерзейшей тучи тень,
Мне помешала на тебя взглянуть.
Не сможешь ты завесу ту пробить,
Чтоб осушить лицо мне от дождя.
Ведь тот бальзам бессмысленно хвалить,
Что лечит рану честь притом губя!
Поверь, лекарством, твой не станет стыд,
Иль утешеньем в горе для меня.
Вину твою, раскаяньем не смыть!
В убытке тот, кто был обижен зря.
Но слёзы что прольёт твоя любовь,
Бесценные, искупят зло всё вновь.*

Sonnet 34

*Why didst thou promise such a beauteous day,
And make me travel forth without my cloak,
To let base clouds o'ertake me in my way,
Hiding thy brav'ry in their rotten smoke?
Tis not enough that through the cloud thou break,
To dry the rain on my storm-beaten face,
For no man well of such a salve can speak,
That heals the wound, and cures not the disgrace:
Nor can thy shame give physic to my grief;
Though thou repent, yet I have still the loss:
Th'offender's sorrow lends but weak relief
To him that bears the strong offence's cross.
Ah, but those tears are pearl which thy love
sheeds, and they are rich and ransom all ill deeds.*

Сонет 35

*Не огорчайся тем, что совершил.
В источниках чистейших грязь на дне,
Затмения пятнают лик светил,
У роз – шипы и черви есть, вполне.
Все люди грешны, даже я сейчас,
Проступок твой спонтанный обелю.
Себя унижу уж в который раз —
Грехи других, с твоими не сравню.
И тем разумность падкости придам,
Что назову я худшее – благим.
Твой грех назначу адвокатом сам,
С собой ведя войну, собой судим...
И шлю себе невольно в том укор,
Что я – пособник твой, мой милый вор.*

Sonnet 35

*No more be grieved at that which thou hast done:
Roses have thorns, and silver fountains mud,
Clouds and eclipses stain both moon and sun,
And loathsome canker lives in sweetest bud.
All men make faults, and even I in this,
Authorizing thy trespass with compare,
Myself corrupting salving thy amiss,
Excusing thy sins more than their sins are;
For to thy sensual fault I bring in sense —
Thy adverse party is thy advocate —
And 'gainst myself a lawful plea commence:
Such civil war is in my love and hate
That I an accessary needs must be
To that sweet thief which sourly robs from me.*

Сонет 36

*Позволь признать – расстаться нам с тобой,
Потребность всё становится ясней.
Чтоб тот позор, который только мой,
Я нёс теперь без помощи твоей.
Пусть общая любовь, что есть у нас,
Зло каждого по-своему гнобит.
Оно хоть и крадёт свиданий час,
Но ценности любви не умолит.
При встрече ты со мной не говори,
И я не покажу, что тебя знал.
Свои мне взгляды больше не дари,
Чтоб честь свою ты мною не пятнал.
Не делай то ведь так тебя люблю,
Что честь твою храню я как свою.*

Sonnet 36

*Let me confess that we two must be twain,
Although our undivided loves are one:
So shall those blots that do with me remain,
Without thy help, by me be borne alone.
In our two loves there is but one respect,
Though in our lives a separable spite,
Which though it alter not love's sole effect,
Yet doth it steal sweet hours from love's delight.
I may not evermore acknowledge thee,
Lest my bewailed guilt should do thee shame,
Nor thou with public kindness honour me,
Unless thou take that honour from thy name —
But do not so; I love thee in such sort,
As thou being mine, mine is thy good report.*

Сонет 37

*Отцу седому нет милей утехи,
Когда в делах он сына видит прок.
И мне отрадой все твои успехи,
Когда меня согнул жестокий рок.
Но если красота, происхожденье
И ум твой краше делают что есть,
Одним своим всего прикосновеньем,
То я любовь добавлю в эту смесь.
Тогда и я – не бедный, не презренный,
Не побеждённый долею своей,
Твоею, друг мой, дружбой напоенный,
Живу лишь частью славы всей твоей.
Всё лучшее пусть будет у тебя,
Вполне счастливым буду с тем и я.*

Sonnet 37

*As a decrepit father takes delight
To see his active child do deeds of youth,
So I, made lame by Fortune's dearest spite,
Take all my comfort of thy worth and truth;
For whether beauty, birth, or wealth, or wit,
Or any of these all, or all, or more,
Intitled in thy parts, do crowned sit,
I make my love ingrafted to this store:
So then I am not lame, poor, nor despised,
Whilst that this shadow doth such substance
give, that I in thy abundance am sufficed,
And by a part of all thy glory live:
Look what is best, that best I wish in thee;
This wish I have, then ten times happy me.*

Сонет 38

*Зачем искать других мне вдохновений,
Когда ничто не сможет подарить,
Возвышенный столь смысл стихотворений,
Что на бумаге вряд ли отразить.
И если что-то видишь ты достойным
В моих трудах – в том нет моих заслуг.
Ведь светом чистым, самопроизвольным,
Ты вдохновляешь к творчеству, мой друг.
Пусть будешь даже Музой ты десятой,
Все девять прежних лихо обойдёшь,
Что вдохновляли всех певцов когда-то.
К строкам нетленным ум мой призовёшь.
Коль популярен стану – мне труды,
Тебе ж – за вдохновенье похвалы!*

Sonnet 38

*How can my Muse want subject to invent
While thou dost breathe, that pour'st into my
verse thine own sweet argument, too excellent
For every vulgar paper to rehearse?
O give thyself the thanks if aught in me
Worthy perusal stand against thy sight,
For who's so dumb that cannot write to thee,
When thou thyself dost give invention light?
Be thou the tenth Muse, ten times more in worth
Than those old nine which rhymers invoke,
And he that calls on thee, let him bring forth
Eternal numbers to outlive long date.
If my slight Muse do please these curious days,
The pain be mine, but thine shall be the praise.*

Сонет 39

*Как мне хвалить тебя, не дам ума.
Ты часть меня, что сам в себе люблю.
И что сулит мне эта похвала?
Хваля тебя – себе я перлы шлю!
Давай теперь расстанемся с тобой,
Разделимся, мой друг, лишь потому,
Чтоб смог я своей искренней строкой,
Все почести тебе слать одному.
Несносны были б нам в разлуке дни,
Когда б досуг не нёс с собой свободы,
Все мысли посвящать одной любви,
Лелеять с нею вдохновенья всходы.
Убийственной, разлука б нам была,
Коль славить бы любовь не помогла.*

Sonnet 39

*O how thy worth with manners may I sing,
When thou art all the better part of me?
What can mine own praise to mine own self bring?
And what is't but mine own when I praise thee?
Even for this, let us divided live,
And our dear love lose name of single one,
That by this separation I may give
That due to thee which thou deserv'st alone.
O absence, what a torment wouldst thou prove,
Were it not thy sour leisure gave sweet leave
To entertain the time with thoughts of love,
Which time and thoughts so sweetly doth deceive,
And that thou teachest how to make one twain,
By praising him here who doth hence remain.*

Сонет 40

*Да хоть возьми друг все мои любви,
Ты ничего с тем не приобретёшь!
И мысли и слова мои – твои.
И всё моё – твоё давно... И что ж?
Коль захотел украсть любовь – бери!
Поверь мне, что вину тем не снискал.
И точно – лишь себя теперь вини
Ведь вкус твой отвергает что забрал.
Прощая тот сомнительный грабёж,
Хоть и лишён всего, чем я владел,
Подумаю о том сейчас что всё ж,
Уж лучше так, чем злобу заимел.
Мой ангел, что порок зовёт добром —
Убей меня, но не считай врагом.*

Sonnet 40

*Take all my loves, my love, yea, take them all;
What hast thou then more than thou hadst before?
No love, my love, that thou mayst true love call;
All mine was thine before thou hadst this more.
Then if for my love thou my love receivest,
I cannot blame thee for my love thou usest;
But yet be blamed, if thou thyself deceivest
By wilful taste of what thyself refusest.
I do forgive thy robb'ry, gentle thief,
Although thou steal thee all my poverty;
And yet love knows it is a greater grief
To bear love's wrong than hate's known injury.
Lascivious grace, in whom all ill well shows,
Kill me with spites, yet we must not be foes.*

Сонет 41

*Поступки своенравные твои,
Так свойственны, увы, младым годам.
И в том наверно нет твоей вины,
Соблазн плетётся по твоим пятам.
Ты добр душой и потому пленён,
Прекрасен – от того и околдован.
Любой сын женичины ума лишён,
Пока трофеев его не завоёван.
Но мог бы ты меня хоть не пленять
И отчитать беспутство юных дней,
Чтоб верности тем две не нарушать,
В распутном буйстве красоты твоей:
Её – очаровав своей красой;
Свою – пренебрегая с нею мной.*

Sonnet 41

*Those pretty wrongs that liberty commits,
When I am sometime absent from thy heart,
Thy beauty and thy years full well befits,
For still temptation follows where thou art.
Gentle thou art, and therefore to be won,
Beauteous thou art, therefore to be assailed;
And when a woman woos, what woman's son
Will sourly leave her till he have prevailed?
Ay me, but yet thou mightest my seat forbear,
And chide thy beauty and thy straying youth,
Who lead thee in their riot even there
Where thou art forced to break a twofold truth:
Hers, by thy beauty tempting her to thee,
Thine, by thy beauty being false to me.*

Сонет 42

*Не в том причина всех моих стенаний,
Что вся она твоя и не со мной.
Но правда в том – источник моих страданий,
Что и она владеет всем тобой.
Влюблённые, я так вас оправдаю:
Ты любишь потому, что я любил,
И испытать решил её, я знаю!
А ей, лишь тем что близок ты мне, мил.
Тебя теряю – ей приобретение,
Её теряю – друг счастливей мой.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.